

0084

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Мелани Милберн

ЗАБЫТЫЙ БРАК

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Мелани Милберн

Забывтый брак

«Центрполиграф»

Милберн М.

Забывтый брак / М. Милберн — «Центрполиграф»,
— (Любовный роман – Harlequin)

Два года жизни стерлось из памяти Эмелии после автокатастрофы, в которую она попала. Как ни старается, она не может вспомнить, кто этот горячий красавец, этот настойчивый испанец, утверждающий, что он... ее муж?!

© Милберн М.
© Центрполиграф

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мелани Милберн

Забытый брак

Глава 1

Эмелия поняла, что находится в больнице, еще до того, как окончательно пришла в себя. Каким бы размытым ни было ее сознание, оно отметило больничные звуки: шарканье тапочек по линолеуму, шелканье раздвигаемых и задвигаемых занавесок вокруг кровати, приглушенные озабоченные голоса мужчин и женщин.

Она приоткрыла глаза, но яркий свет показался ей нестерпимым. Болезненно зажмурившись, через несколько секунд Эмелия снова попыталась оглядеться, и увидела сквозь пелену слез медсестру, которая листала историю болезни.

– Что случилось? – Эмелия попыталась сесть. – Почему я здесь?

Медсестра отложила карту и подошла, чтобы мягким нажатием на плечи уложить Эмелию обратно на подушки.

– Не волнуйтесь, миссис Мелендес. Неделью назад вас доставили в клинику после автокатастрофы. Вы были в коме.

Сердце Эмелии судорожно трепыхнулось, лягнув ее под ребра. Молодая женщина поморщилась и тут же пожалела об этом – гримаска отдалась в голове уколом острой боли. Подняв руку ко лбу, Эмелия нащупала толстую повязку.

Больница? Автокатастрофа? Кома?

Все эти слова звучали для нее словно на чужом языке, но самым непонятным было то, как обратилась к ней медсестра.

– К-как вы меня назвали? – переспросила Эмелия, стараясь игнорировать все еще неравномерный стук сердца.

Медсестра смущенно заозиралась по сторонам, как будто ждала подкрепления, которое опаздывало к началу боя.

– Хм... Лучше я попрошу доктора все вам объяснить, – пробормотала она и исчезла за дверью.

Эмелия чувствовала себя человеком, который ищет дорогу в густом тумане с завязанными глазами. «Автокатастрофа? – мучительно пыталась вспомнить она. – Какая автокатастрофа?» Скосив глаза, молодая женщина оглядела свое тело, укрытое казенным одеялом. Все саднило и ныло, но, насколько Эмелия могла судить, никаких конечностей в результате загадочной аварии она не лишилась. Более того, отсутствие гипса говорило о том, что кости остались целы. Голова по-прежнему раскалывалась, волнами накатывала тошнота, но Эмелия предположила, что виной тому – сильные обезболивающие, которые ей, вероятно, кололи. Она взглянула на прозрачную трубку капельницы, подсоединенную к игле катетера в ее левой руке, и быстро отвела глаза, потому что от этого зрелища желудок снова свело спазмом.

«Как меня назвала медсестра? – подумала Эмелия, чтобы отвлечься. – Миссис Мел... Как там дальше?» Сердце снова сбилось с ритма. Наверняка произошла какая-то ошибка, кто-то посмотрел не в те документы. С чего бы иначе медсестре называть ее миссис, если Эмелия не замужем? Персонал клиники определенно ее с кем-то перепутал! Ее зовут Эмелия Луиза Шелвертон. Она переехала в Лондон из Австралии пару месяцев назад, сняла квартиру на Ноттинг-Хилл и подрабатывала певицей в банкетном зале одного из модных отелей в нескольких кварталах от престижного района Мэйфер, пока искала более престижную работу преподавателя музыки. «Замужем? Дикость какая! – успокаивала себя Эмелия. – Я даже ни с кем не встречаюсь!»

– Наконец-то вы очнулись. – Человек в докторском халате задвинул за собой занавески вокруг ее кровати. – Это очень хорошая новость. Честно говоря, мы беспокоились за вас, молодая леди.

Эмелия с трудом сфокусировалась на беджике с его именем, приколотом к нагрудному карману халата.

– Доктор... хм... Пратчетт, что происходит? Мне кажется, случилось недоразумение. Медсестра назвала меня миссис кто-то, но я не замужем!

Доктор одарил ее профессиональной улыбкой, смысл которой можно было расшифровать как «Доверьтесь мне, я врач».

– Вы получили травму головы, Эмелия. Очевидно, это привело к частичной потере памяти. Нужно провести дополнительное обследование, чтобы сказать наверняка, насколько все серьезно. Сейчас с вами поговорит психолог, а затем нам, возможно, понадобится повторная томограмма.

Эмелия снова недоверчиво пощупала забинтованную голову:

– У меня... амнезия?

– Похоже, – кивнул доктор. – Знаете, какой сегодня день?

Молодая женщина могла только гадать.

– Пятница? – предположила она.

– Понедельник. Десятое сентября.

– Какого... года? – спросила Эмелия испуганным шепотом.

Услышав ответ, она в ужасе уставилась на доктора Пратчетта.

– Не может быть! Я не могла забыть два года жизни, это смешно!

– Постарайтесь сохранять спокойствие. – Доктор накрыл ладонью ее руку, лежавшую поверх одеяла. – Разумеется, вы напуганы и растеряны, после нескольких дней в коме многое кажется странным. Вы – миссис Эмелия Луиза Мелендес. Это имя полиция прочитала на водительских правах. Ваш муж ждет в коридоре, он прилетел из Испании, как только узнал об аварии. У него нет сомнений в том, что вы – его жена. Он почти неотлучно находился рядом с вами, лишь несколько минут назад вышел, чтобы позвонить.

Сердце молодой женщины стучало так, как будто в груди кто-то стрелял из пушки. «Мой муж? – подумала она в панике. – Из Испании?»

Она даже не могла вспомнить его имени, не говоря уж о том, где они встретились и когда поженились. Как она могла полюбить человека, жить с ним, а потом забыть об этом? От неуверенности и страха на коже выступил пот, ладони стали липкими и горячими. Этого не может быть. Это всего лишь странный сон...

«Думай!» – приказала себе Эмелия. Зажмурившись, она попыталась восстановить в памяти хоть какие-то события недавнего прошлого, несмотря на тошнотворную мигрень. Но прошлое покрывала густая пелена, и его смутные очертания никак не складывались в осмысленную картину.

Когда Эмелия, устав от бесплодных попыток, открыла глаза, доктор уже скрылся в про свете между занавесками. Но чья-то рука тут же снова раздвинула их со звуком, который показался Эмелии просто оглушительным. Молодая женщина затаила дыхание.

Высокий мужчина с волосами цвета воронова крыла и глубоко посаженными угольно-черными глазами стоял в изножье ее кровати. Сколько Эмелия ни вглядывалась в его лицо, напрягая ушибленный мозг, она не могла найти ни одной знакомой черты. Он был красив, хотя черные волосы средней длины выглядели так, словно таинственный незнакомец привык пользоваться пальцами вместо расчески, умный загорелый лоб, густые черные брови над бездонными глазами, крупный породистый нос, тяжелая челюсть, говорившая о властном, упрямом и бескомпромиссном характере ее обладателя. Когда Эмелия взглянула на его рот, ее желудок опять беспокойно заерзал, как мышка на только что натертом скользкой мастикой полу. У него

были четко, скульптурно очерченные губы, изгиб верхней мог бы показаться слишком резким и жестким, но впечатление смягчала полная, чувственная нижняя. Этот рот знал, как завоевывать женщин одним поцелуем – так он, наверное, завоевал и ее тоже. Она инстинктивно прошлась кончиком языка по своим сухим, как песочные дюны, губам. Почему же она ничего не помнит?

– Эмелия.

От того, как прозвучало ее имя в его исполнении, по позвоночнику молодой женщины пробежала дрожь. Она по-прежнему не могла вспомнить, кто он, черт возьми, такой, но ощущала его присутствие каждой клеточкой тела.

– Хм... Привет. – Что еще она могла сказать – «Дорогой, рада тебя снова видеть»?

Эмелия откашлялась, теребя пальцами край простыни.

– Прости... Я еще не совсем понимаю, что происходит...

– Это нормально. – Он подошел ближе, на расстояние вытянутой руки, и Эмелия только сейчас поняла, какой он высокий.

Запах его лосьона после бритья коснулся ее ноздрей. Даже не запах, а намек на него – мужчина явно не прикасался к бритве уже несколько дней. Щетина подчеркивала его мужественность – Эмелия невольно подумала о том, сколько тестостерона, должно быть, кипит в его крови. Цитрусовые нотки в лосьоне заставили ее память пошевелиться. Эмелии был знаком аромат согретых солнцем лимонов...

– Доктор сказал, я смогу забрать тебя домой, как только ты достаточно окрепнешь, чтобы путешествовать.

Звук его голоса, низкого, глубокого, сексуального, запустил по коже Эмелии новую партию мурашек. Незнакомец говорил с заметным испанским акцентом, она сразу же вообразила, как эротично он разговаривает на родном языке, музыкальность которого всегда ласкала ее слух. Но что-то в мужчине настораживало ее, за его внешним спокойствием чувствовалось какое-то сильное подводное течение, напряжение, возможно, даже злость. Эмелия сама не знала, что ее беспокоит, – она ничего не могла прочесть в его непроницаемом взгляде, но ее удивляло, что ее так называемый муж до сих пор не притронулся к ней, не сделал попытки обнять. Не то чтобы ей очень этого хотелось... Или все-таки хотелось?

Она посмотрела на его бронзовые от загара руки с длинными сильными пальцами. Они расслабленно висели вдоль тела, но ей показалось, что совсем недавно кулаки были сжаты. Переведя взгляд на его лицо, Эмелия заметила прокатившиеся под кожей желваки. За что он так злится на нее? «Нет, конечно же он не злится, – подумала Эмелия. – Он просто расстроен, он в шоке от того, что жена его не помнит. Любому мужу это было бы странно и неприятно».

– Прости. – Она облизала губы, пытаясь найти выход из лабиринта, в который превратилась ее память. – Ты, наверное, думаешь, что я ужасная... Но я даже не помню твоего имени.

– Я не думаю, что ты ужасная, Эмелия. У тебя ведь амнезия, *si*? Ты многого не помнишь, но доктора заверили меня, что со временем все воспоминания вернуться.

Эмелия сглотнула. А если не вернуться? Года два назад она читала историю о девушке, потерявшей память после нападения. Амнезия изменила всю ее жизнь, она больше не узнавала родителей, брат и две сестры стали ей чужими.

– Наверное, в данных обстоятельствах мне нелишним будет представиться. – Его голос оторвал Эмелию от мучительных раздумий. – Меня зовут Хавьер Мелендес. Я твой муж, мы женаты почти два года.

«Если сердце и дальше будет так колотиться, оно пробьет грудину», – подумала Эмелия, цепляясь пальцами за простыни по обе стороны кровати, как будто только это могло обеспечить ей плотную связь с реальностью.

– Женаты? – справившись с дыханием, спросила она. – Правда, по-настоящему? Это не шутка и не ошибка?

– У нас годовщина свадьбы в конце следующего месяца, – скупой кивнул Хавьер.

Эмелия даже не пыталась скрыть потрясение, лишь ловила ртом воздух, чтобы заставить работать забастовавшие голосовые связки. Мысли разлетались в разные стороны, растерянные, испуганные, недоверчивые. Разве этот мужчина мог быть ее мужем? Как собственный разум мог так ее подвести, почему судьба стерла из памяти самые важные события в жизни любой женщины – первое свидание, первую ночь вместе, помолвку, день свадьбы?

– Где мы... познакомились? – робко спросила она.

– В банкетном зале отеля в Лондоне. Ты пела одну из моих любимых песен, когда я вошел.

– Я помню зал. – Эмелия почувствовала, что туман в ее голове немного рассеялся. – Канделябры... Фортепиано...

– Ты помнишь менеджера? – спросил Хавьер. – Человека, на которого ты работала?

Она снова взглянула ему в лицо, но блестящие черные глаза по-прежнему не выражали никаких понятных ей эмоций.

– Питер Маршалл. – Воспоминания хлынули откуда-то, заставив Эмелию приободриться. – Из Австралии, как и я. Мы с ним росли вместе, ходили в одну школу. Он дал мне работу на эстраде в своем отеле, обещал помочь подыскать учеников...

Что-то промелькнуло во взгляде Хавьера, вспышка, почти молния, но какими чувствами была вызвана эта моментальная реакция на ее слова, Эмелии разгадать не удалось.

– А помнишь, почему приехала искать работу в Лондон? – Голос мужчины остался ровным.

– Да... помню. – По крайней мере, потеряно не все прошлое, подумала Эмелия с осторожным облегчением. – Поссорилась с отцом. У нас были непростые отношения с тех пор, как умерла мама. Отец женился снова через пару месяцев после ее смерти. Я не поладила с его новой женой. Я не ладил ни с одной из его новых жен. Сколько их было – четыре, если не ошибаюсь... Но если мы были женаты, я, наверное, много раз жаловалась тебе на упрямство отца.

– Много раз, – эхом подтвердил он.

– Почему же я не помню тебя? – Эмелия прижала пальцы к уголкам глаз, словно намереваясь разгладить наморщенный лоб. – Я должна тебя вспомнить!

«В противном случае мне придется жить с незнакомцем», – подумала молодая женщина с нарастающим беспокойством.

– Доктор сказал, не нужно торопиться, *querida*. Ты вспомнишь, когда придет время. Может понадобится несколько дней или даже несколько недель.

– А если я не вспомню? – спросила Эмелия шепотом, сглотнув тугой комок паники. – Если я навсегда потеряла два года жизни?

Хавьер пожал плечами, отменяя ее тревогу как несущественную, хотя Эмелия инстинктивно ощутила, что этот небрежный, даже равнодушный жест не совсем соответствует его истинным чувствам.

– Не волнуйся о том, на что не можешь повлиять. Возможно, когда мы вернемся домой, на мою виллу в Севилье, тебе будет легче вспомнить нашу совместную жизнь.

Он секунду помолчал, прежде чем продолжить:

– Тебе нравилась вилла. Когда я в первый раз привез тебя туда, ты сказала, что это самое прекрасное место на земле.

Эмелия попыталась увидеть прекрасную виллу внутренним взором, но не преуспела. Память выдавала чистый белый лист.

– А почему я попала в аварию в Лондоне? – спросила она. – Как я там оказалась? Тебя, случайно, не было со мной в машине?

Яркая стремительная молния снова проскочила в глубине его глаз, неуловимая, как движение руки иллюзиониста.

– Не было. Ты ехала со своим... – Хавьер сделал едва заметную паузу. – С Питером Маршаллом.

Холодная рука ужаса схватила Эмелию за сердце и безжалостно, болезненно сжала.

– Питер был со мной? Он сильно пострадал? Я могу его увидеть? Как он?

Тишина, воцарившаяся после пулеметной очереди ее вопросов, звенела от напряжения. И оно нарастало с каждой секундой, грозя вылиться в страшный аккорд, который Эмелия не хотела слышать.

– Мне жаль, – сказал Хавьер лишенным эмоций голосом, – но Питер не выжил в аварии. Питер погиб?

– Нет... – Разум Эмелии наотрез отказывался воспринимать эту информацию. – Он не мог... Он не мог погибнуть... У нас были такие планы...

Выражение лица Хавьера не изменилось ни на йоту. Эмелии казалось, что он читает реплики из глубоко безразличного ему сценария.

– Он умер, Эмелия. Врачи не смогли его спасти.

Слезы покатались по ее щекам.

– Но я так его любила, – едва слышно прошептала она. – Мы выросли вместе, у меня не было друга ближе... – Внезапная кошмарная догадка ударила как молот, глаза молодой женщины расширились от ужаса. – О господи... Кто был за рулем? Это я его убила? О господи, господи...

Только тогда Хавьер прикоснулся к ней, положил ладонь поверх ее руки, повторив недавний жест врача. Но это прикосновение не было прохладным и профессиональным, оно словно бы обожгло тонкую кожу Эмелии.

– Ты никого не убивала. Питер был за рулем, он превысил скорость и не справился с управлением.

Ей стало легче, но всего на миг. Ощущение утраты дорогого друга постепенно заполняло душу Эмелии, хотя мысль, что Питера больше нет, казалась слишком огромной, чтобы уместиться в мозгу и в сердце. Эмелия все еще надеялась, что это лишь сон, что она вот-вот проснется в своей маленькой квартирке на Ноттинг-Хилл, позвонит Питеру, и они, как обычно, обсудят программу ее выступления на вечер.

– Я понимаю, какое это для тебя потрясение, – мягко сказал Хавьер. – Увы, легких слов для таких новостей человечество еще не придумало.

Эмелия сморгнула слезы, с трудом протолкнула в сухое горло липкий комок. Словно прочитав ее мысли, Хавьер подвинул к кровати столик, налил в стакан воды из графина:

– Попей. Тебе станет лучше.

«Как он не понимает, что мне уже никогда не станет лучше? – подумала Эмелия. – Разве глоток воды вернет к жизни моего лучшего друга?» Тем не менее она пригубила воду и только после этого, нахмурившись, оттолкнула стакан.

– Я не понимаю... Как я оказалась в машине с Питером в Лондоне, если была замужем за тобой и жила в... Ты сказал, в Севилье?

– В Севилье. Я живу... мы живем в нескольких километрах от города.

Эмелия не пропустила мимо ушей эту маленькую поправку, но не поняла, как ее следовало толковать. Взглянув на левую руку Хавьера, она увидела золотой ободок кольца среди маленьких черных волосинок на нижней фаланге длинного пальца. Ее желудок снова ухнул куда-то вниз, где ему было совершенно не место, но на сей раз Эмелия постаралась проигнорировать приступ тошноты.

– Если мы были женаты, как ты говоришь, где мои кольца? Может, они мне что-то напомнят...

Хавьер порылся в кармане, достал два кольца и с легкостью надел их на изящные пальцы Эмелии. У нее захватило дух от великолепия бриллиантов – большого ограненного камня на

одном кольце и россыпи маленьких на другом. Мелькнула робкая надежда, что такие великолепные, неприлично дорогие украшения наверняка разбудят какие-то воспоминания об обстоятельствах, в которых были ей преподнесены.

Ничего. *Nada*.

Эмелия взглянула в лицо мужа:

– Так я поехала в Лондон одна, без тебя?

– Я был в Москве по делам. Я часто там бываю. Ты поехала в Лондон, чтобы... пройтись по магазинам.

«Ну вот, опять, – отметила Эмелия, стараясь проникнуть за плотно закрытые ставни его взгляда. – Опять эта маленькая пауза, опять осторожный выбор слов».

– А почему я не поехала с тобой в Москву?

Теперь после очередной крошечной паузы перед ответом она была уверена, что Хавьер что-то от нее скрывает.

– Ты не всегда сопровождала меня в поездках, особенно зарубежных. Предпочитала оставаться дома или проводить время в Лондоне, покупая вещи в знакомых магазинах, где все говорят на понятном языке.

Эмелия задумчиво прикусила губу, теребя пальцами край простыни.

– Это очень странно. Я ненавижу шопинг. Мне всегда так трудно подобрать вещи нужного размера, и меня раздражает настойчивость продавцов.

Он не ответил. Просто стоял рядом и смотрел сверху вниз, усиливая возникшее у нее чувство, что она забрела в чью-то чужую, непонятную жизнь. Если она так сильно любила Хавьера, почему предпочла ненавистный шопинг в Лондоне возможности побыть с ним, пусть даже в деловой поездке? Не очень-то логичный поступок для хорошей жены. Эмелия поймала себя на тревожной мысли, что такое поведение было свойственно ее матери.

– Хм... Прости, что задаю странный вопрос, но... – она облизнула губы, собираясь с силами, – у нас счастливый брак?

Вопрос надолго завис в воздухе. В конце концов губы Хавьера дернулись в улыбке, не коснувшейся его угольно-черных глаз.

– Конечно, мы счастливы, дорогая, как может быть иначе? Мы женаты не так долго, чтобы надоест друг другу.

Эмелия совсем растерялась. Ей казалось невероятным, что она лежит на больничной кровати, узнавая о своей жизни с чужих слов. Такое могло случиться с героиней книги или сериала, но не с обычной женщиной, не в реальной жизни. Эмелия принялась мять многострадальную простыню, соображая, как лучше попросить Хавьера оставить ее одну, чтобы она могла все обдумать.

– Прости. Я так устала...

– Конечно. – Он отступил от кровати. – В любом случае мне нужно уделить время делам. Я оставлю тебя отдыхать.

Он уже почти скрылся за занавесками, когда Эмелия решилась окликнуть его:

– Э... Хавьер?

Широкая спина на мгновение напряглась, прежде чем он снова повернулся к ней:

– Да, Эмелия?

– Мне очень жаль, что я не могу вспомнить тебя. На твоём месте мне было бы больно, если бы близкий человек смотрел на меня как на незнакомку.

Темные глаза Хавьера несколько секунд изучали ее лицо.

– Забудь об этом, *querida*.

Только когда занавески зашуршали, сомкнувшись за спиной ее мужа, Эмелия осознала иронию его прощальных слов.

Глава 2

Жизнерадостная дежурная медсестра открыла жалюзи на окнах одноместной палаты, где Эмелия провела несколько дней после перевода из отделения интенсивной терапии.

– Сегодня большой день. Ваш потрясающий муж наконец-то заберет вас домой. Скажу честно, я бы не отказалась поменяться с вами местами, моя девочка. Как будто мало того, что он чертовски красив... Мне никогда не пришлось бы больше работать, если бы я была замужем за его деньгами.

Эмелия криво улыбнулась. Ее желудок скручивался узлом, стоило ей подумать о высоком, темноволосом, всегда мрачноватом незнакомце, который добросовестно навещал ее каждый день. Хавьер мало говорил, еще реже улыбался, прикасался к ней только в случае крайней необходимости, словно чувствуя, что Эмелия еще не готова вернуться к былой близости. Чтобы свести неловкий контакт к минимуму, во время его визитов она часто притворялась спящей. Но понимала, что, стоит ей перешагнуть порог их общего дома, бежать и прятаться от проблем будет некуда.

Сидя на краю кровати в ожидании Хавьера, который должен был с минуты на минуту забрать ее из сравнительной безопасности клиники в пугающую неизвестность, Эмелия гнала от себя мысль, что может никогда не вспомнить два года, которые так изменили ее жизнь. Если бы ей удалось восстановить в памяти хоть что-то – первую встречу с Хавьером, первый поцелуй... Он сказал, что Эмелия пришла в восторг от его виллы, но теперь она понятия не имела, как эта вилла выглядит. Ей предстояло уехать в чужую страну с мужчиной, которого она совсем не знала.

Рука Эмелии скользнула по ее загорелым бедрам. Глядя на себя в больничные зеркала, она удивлялась собственной худобе. Не могла же она потерять столько веса, пролежав в коме всего неделю? Эмелия сражалась с лишними килограммами всю жизнь, но никогда раньше ей не удавалось добиться такой модельной стройности. Тонкие руки и ноги покрывал загар, живот потерял припухлость, которая так ее раздражала, стал плоским и рельефным.

«Значит, такой Хавьер меня любил? – изумилась Эмелия. – И я не вылезала из спортивного зала, чтобы продолжать ему нравиться? Интересно, а как быстро он соблазнил меня? Я заставила его побегать за мной или упала в его постель, как только он проявил ко мне интерес? И что вообще он во мне нашел? Я, конечно, не уродина, но богатый красавец мужчина мог бы найти себе более гламурную и лощеную жену».

Незадолго до выписки Эмелию навестили полицейские, которые расспрашивали ее о катастрофе. Как она ни хотела помочь расследованию, этот фрагмент ее прошлого тоже представлял собой непроницаемую черную дыру. Констебль вернул молодой женщине ее сумочку, найденную в разбитой машине, но чем дольше Эмелия разглядывала ее содержимое, тем сильнее ей казалось, что все это принадлежало кому-то другому. Она нашла обычный дамский винегрет из косметики, ручек, салфеток и жвачки, флакончик безумно дорогих духов и сверхтонкий ультрасовременный мобильник с трещиной на дисплее, который не пережил удара и отказывался включаться.

Эмелия повертела в руках упаковку противозачаточных таблеток с надписью «Эмелия Мелендес». Внутри осталось две или три штуки. Она рассеянно поковыряла ногтем фольгу, затем, больше ни секунды не сомневаясь, бросила лекарство в мусорное ведро у кровати.

Воспоминания о Питере нахлынули с новой силой, и Эмелия прижала руку к груди в тщетной надежде успокоить прикосновением скорбящее сердце. Она больше никогда его не увидит, эта часть ее жизни закончена. Судьба даже не дала ей возможности сказать «Прощай».

Прежде чем войти в палату жены, Хавьер усилием воли придал лицу бесстрастное выражение.

– Милая, я вижу, ты уже собралась и готова ехать.

Он успел заметить неуверенность в ее серо-голубых глазах, потом Эмелия опустила взгляд.

– Мне и собирать было почти нечего. – Она осторожно поднялась с кровати.

Хавьер протянул руку, чтобы поддержать ее, но Эмелия отстранилась, словно сама мысль о его прикосновении была ей неприятна. Испанец сжал челюсти, сдерживая гнев. Раньше она не сторонилась его, раньше она была голодна до его ласк. Он вспомнил, как брал ее, когда хотел, иногда – быстро и страстно, иногда – медленно и нежно. Эмелия желала его, пока в ее жизни снова не объявился Питер Маршалл. Внутренности Хавьера свело судорогой, стоило ему подумать, чем жена и ее любовник занимались за его спиной. Какое удачное стечение обстоятельств – Эмелия потеряла память именно сейчас, когда ставки так неожиданно изменились! Реакция жены на сообщение о смерти Питера подтвердила глубину ее чувств к нему. Эмелия помнила любовника, но не узнавала законного мужа.

Хавьер сжал в кулаке ручку сумки с вещами Эмелии. Выкидной ножик вины легко, но ощутимо уколол его в сердце. Может быть, и хорошо, если она не вспомнит необдуманные слова, сказанные в пылу их последней ссоры. Хавьер тогда потерял самообладание, и его до сих пор мучил стыд. Он допускал, что именно его поведение во время той безобразной сцены толкнуло Эмелию в объятия любовника. Или она планировала сбежать от него с Маршаллом с самого начала?

А что, если Эмелия никогда его не вспомнит?

Нет! Хавьер даже допускать такую возможность не хотел. Он жил ради дня, когда Эмелия узнает его, улыбнется, подставит для поцелуя приоткрытые пухлые губы, отдаст ему свое гибкое, послушное его желаниям тело. В этот день они будут любить друг друга, подниматься и опускаться на волнах чувственных удовольствий, пока образ погибшего любовника не изгладится из ее памяти.

Только тогда настанет момент для мести.

– Машина ждет нас у подъезда, – сказал Хавьер. – Мы полетим на моем самолете.

– У тебя есть свой самолет? – Она посмотрела на него с изумлением.

– *Si*. Ты замужем за очень богатым человеком, *mi amor*, или ты забыла и об этом тоже?

Она прикусила нижнюю губу, отвела взгляд от идущего рядом мужчины.

– Психолог сказал, что мужьям трудно смириться с тем, что жены после травмы не могут их вспомнить. Должно быть, ты очень разочарован и зол на меня.

«Ты даже не представляешь, как я зол», – думал Хавьер Мелендес, машинально открывая перед женой больничные двери. Злость бушевала в нем, наполняя раскаленным ядом вены, казалось, он вот-вот начнет извергаться как вулкан, покрывая все вокруг пеплом и лавой. Сегодня утром история побега Эмелии снова была во всех газетах, как и на прошлой неделе. Заголовки кричали о ее романе с Маршаллом и его трагических последствиях. Хавьер понимал, что его ненависть к предательнице прорывается наружу, он обещал себе лучше контролировать эмоции. Какой смысл наказывать Эмелию сейчас, когда она ничего не помнит и не понимает, в чем виновата?

– Прости, *querida*. – Бережно взяв жену за плечо, он подтолкнул ее к лимузину. – Я еще не отошел от потрясения, которое испытал, едва не потеряв тебя. Впредь постараюсь быть более чутким.

– Это нормально, – тихо сказала она, когда они устроились бок о бок на заднем сиденье. – Мне тоже трудно. Кажется, что я живу чужой жизнью в чужом теле.

– Это твоя жизнь. – Он посмотрел в глаза Эмелии, испуганно сияющие в полумраке салона. – Ты сама ее выбрала.

Она рассеянно погладила мягкую кожаную обшивку сиденья.

– Мы долго встречались, прежде чем пожениться?

– Недолго.

– Сколько?

– Шесть недель.

Глаза Эмелии расширились, напомнив Хавьеру озера после весеннего паводка.

– Не могу поверить, что вышла замуж так скоро после знакомства...

Голос молодой женщины звучал задумчиво, как будто она говорила сама с собой. Покачивая головой, она поморщилась, заправила за ухо прядь светлых, с медовым отливом волос, пробежала языком по губам. Несмотря на твердое намерение игнорировать ее близость, Хавьер почувствовал, как в чреслах разгорается пожар. Сидя рядом, он вдыхал ванильный аромат кожи Эмелии, представлял, как она извивается под ним в постели, изнемогая от страсти, пока они оба не достигают пика. Он стиснул зубы и отвернулся к окну машины, в которое стучался осенний дождь.

– Мы венчались в церкви? – спросила Эмелия, помолчав.

– Да. На церемонии было больше четырех сотен гостей. Нашу свадьбу назвали свадьбой года. Возможно, ты вспомнишь, когда посмотришь фотографии.

Хавьер искоса наблюдал за ней, размышляя, что об их жизни стоит рассказывать, а что лучше оставить за скобками. Доктор не велел давить на нее. Эмелия была все еще дезориентирована, она все еще переживала потерю любовника. Она больше не упоминала Питера, но Хавьер замечал, что глаза жены то и дело наполняются слезами скорби, и каждый раз ощущал, как в грудь вонзается острый кол ревности.

– У тебя есть семья? – Эмелия внезапно повернулась, встретила его взгляд. – Родители, братья, сестры?

– Мама умерла, когда я был маленьким. Несколько лет спустя отец женился во второй раз. Мою сводную сестру зовут Изабелла. – Хавьер помолчал, прежде чем продолжить. – Отец развелся с матерью Изабеллы, женился снова. Как все и предполагали, из этого брака тоже не вышло ничего хорошего. Он умер во время бракоразводного процесса.

– Мне жаль, – почти прошептала Эмелия. – Я знала твоего отца?

– Нет. – Губы Хавьера дрогнули в горькой усмешке. – Мы с ним не общались последние десять лет его жизни.

– Как грустно. – Ее сочувствие казалось неподдельным. – Почему вы перестали общаться?

Хавьер глубоко вдохнул, медленно выдохнул.

– Мой отец был очень упрямым человеком, жестким и в бизнесе, и дома. Поэтому все его браки заканчивались объявлением войны. Он любил контроль и власть, его взбесило мое желание самому распоряжаться своей жизнью. Мы обменялись оскорблениями и с тех пор не сказали друг другу ни слова.

Эмелия посмотрела на каменное выражение лица мужа, спрашивая себя, далеко ли яблочко укатилось от яблоньки.

– Ты похож на него внешне?

Их глаза встретились. Заглянув в гипнотическую черную глубину взгляда Хавьера, Эмелия затрепетала.

– Разве что цветом волос и глаз, больше ничего общего. Я похож на мать.

– Сколько тебе было, когда ее не стало?

– Четыре года. – Он отвел взгляд, голос звучал ровно и бесстрастно. – Почти пять.

Представив его совсем маленьким мальчиком, так рано лишившимся матери, Эмелия почувствовала сострадание, от которого защемило сердце. Она хорошо понимала его чувства. Ее мать умерла, когда Эмелия только вошла в подростковый возраст, но боль потери от этого

легче не стала. Всю юность, с четырнадцати лет, Эмелия чувствовала себя очень одинокой. Она не была особенно близка со своими блестящими светскими родителями, но тем не менее за прошедшие годы столько раз желала, чтобы случилось чудо, и она смогла провести с мамой хотя бы еще один день...

– А со сводной сестрой ты в хороших отношениях?

При упоминании сестры черты лица Хавьера смягчились, в глазах появилось тепло, губы тронула улыбка, полная чуть снисходительной нежности.

– Как ни странно, да. Она намного младше, только-только достигла совершеннолетия. С тех пор как умер наш отец, я стараюсь принимать более активное участие в жизни Изабеллы. Она живет в Париже с матерью, но часто приезжает в гости.

– Значит, с ней я знакома? – спросила Эмелия, странно взволнованная проявлением его эмоций.

– Да. Вы встречались много раз.

– Мы ладили?

– Я бы не назвал вас лучшими подругами, к сожалению. Возможно, я слишком приучил Изабеллу к тому, что все мое внимание принадлежит ей. Она отнеслась к тебе как к конкурентке.

«Если я правильно поняла, его сестра – избалованная девчонка, привыкшая получать все, что захочет, – нахмурилась Эмелия. – Немудрено, что мы не нашли общего языка».

– Почему все твоё внимание принадлежало сестре? У тебя же были женщины и до того, как мы познакомились...

– Разумеется, были.

Высокомерная уверенность этого заявления заставила Эмелию испытать неожиданный укол ревности. Вопрос в том, *сколько* женщин он соблазнил до нее? В жизни Эмелии до Хавьера – при условии, что она не помнила, как занималась с ним любовью, – был только один мужчина. Она переспала с ним назло отцу во время вспышки подросткового бунта. Эмелия отнюдь не испытывала гордости за тот период мучительного взросления. Случайный секс нанес такой удар по ее самоуважению и самооценке, что впоследствии ей так и не удалось поставить свою романтическую жизнь обратно на рельсы.

В животе стало горячо, когда Эмелия предположила, чему Хавьер мог научить ее за два года совместной жизни. Наверняка такой искушенный мужчина хорошо поднатаскал неопытную жену в постельной акробатике, о которой, судя по самодовольному виду, знал так много.

Обращенные на нее темные глаза Хавьера сверкнули, словно он прочитал мысли жены.

– Нам было хорошо вместе, Эмелия.

– Ох... – Она сглотнула в панике. – Я... я не думаю, что уже готова... возобновить нашу супружескую жизнь с того места, на котором мы закончили. Если ты понимаешь, о чем я...

– Не готова? – Испанец выгнул бровь.

– Доктор сказал, мы не должны торопиться. – Эмелия сжала ноги, удивленная и шокированная тем, как жарко и влажно вдруг стало между ними. – Доктор рекомендовал делать все медленно, постепенно.

– Ну конечно, разве мы можем послушаться доктора? – Несмотря на ироничный тон, сладострастная искра все еще мерцала в черных глазах Хавьера.

Не удержавшись, Эмелия взглянула на его резко очерченный, чувственный рот. Сколько раз эти губы прикасались к ее губам? Какими были его поцелуи – жесткими или бережными, полными яростной страсти или властной, но все-таки нежности? По спине молодой женщины снизу к основанию шеи пробежали мурашки. Мысли опять заспешили в волнуящем эротическом направлении.

Куда еще Хавьер любил ее целовать? Повторял ли языком очертания ее деликатного ушка, гладил ли шею загорелыми пальцами? Сердце Эмелии с грохотом колотилось о груд-

ную клетку. Неужели она чувствовала губы и язык Хавьера и там, внизу, когда он исследовал самые потаенные уголки ее женского естества, заставляя стонать и изгибаться от наслаждения? В каких позах они занимались любовью и какую он предпочитал? Ласкала ли она губами его мужское орудие, опустившись перед ним на колени? О господи, неужели да?!

Взглянув в пылающее лицо жены, Хавьер поднял руку и едва ощутимо провел кончиком пальца по ее щеке.

– Ты совсем ничего не помнишь, *querida*?

– Н-нет... Прости... – Она стиснула губы, которые покалывало от желания почувствовать его поцелуй.

– Не важно, – сказал он с улыбкой, хотя глаза остались непроницаемыми. – У нас будет много времени, чтобы все вернуть, шаг за шагом. Как в первый раз, *si*?

Судя по ощущениям, сердце Эмелии отрастило крылья и хлопало ими, пытаясь улететь.

– Я помню, что у меня было мало опыта. До тебя я встречалась только с одним мужчиной.

– Ты быстро училась. Очень, очень способная ученица.

– Наверное, это странно – быть женатым на женщине, которая даже не помнит вкус твоего поцелуя.

Хавьер взял жену за подбородок, приподнял ее лицо, вынуждая Эмелию смотреть прямо в темный омут его глаз.

– Думаю, эту маленькую тайну я могу открыть тебе прямо здесь и сейчас.

– Я не предлагала... – Она постаралась отстраниться, но он ожидал этого и крепче сжал пальцы.

– А я предлагаю.

Все тело Эмелии покрылось гусиной кожей, когда он, нагнув голову, приблизил губы к ее губам. Она почувствовала теплый бриз его дыхания, невесомую как перышко ласку, которая заставила ее податься вперед в ожидании большего. Эмелия ждала, полуприкрыв глаза, задыхаясь от напряжения, почти оглушенная трепыханиями собственного сердца.

Хавьер отпустил подбородок жены, взял ее лицо в ладони, описывая пальцами гипнотические круги по нежной коже щек. Он не отрывал взгляда от ее губ. Эмелия невольно облизнулась, всем существом желая, чтобы он придвинулся еще чуть ближе и все-таки прикоснулся к ней...

– Нет, – насмешливо сказал Хавьер своим глубоким, низким голосом. – Пожалуй, я не должен целовать тебя сейчас, чтобы не осложнить ситуацию. Не хотелось бы поставить под угрозу твое выздоровление, не правда ли, милая?

– Да... Наверное, это не самая удачная идея.

С удовлетворенным смешком он отпустил жену и откинулся на сиденье.

– Я тоже так подумал. Ничего, это может немного подождать.

Эмелия молчала, пытаясь представить, что творится у него в голове. Она не сомневалась, что сложившаяся ситуация раздражает Хавьера. Здоровый, настоящий мужчина в самом расцвете сил, за два года брака он, должно быть, привык все время иметь под рукой любящую жену, всегда готовую пойти навстречу его желаниям и потребностям. А сейчас эта жена смотрит на него как на незнакомца. Если она и дальше будет сторониться его, как скоро Хавьер пойдет за утешением к другой женщине? Эта мысль Эмелии совсем не понравилась. Но почему? Почему видение Хавьера в объятиях любовницы вызывает у нее такую желчную реакцию, если Эмелия не в силах вспомнить ничего о том времени, которое они с мужем провели вместе?

Она посмотрела на свою украшенную кольцами руку. Странно, но тяжесть золота на пальцах казалась знакомой – во всяком случае, более знакомой, чем мужчина, который подарил ей эти украшения. Эмелия покрутила блестящий ободок. Кольцо сидело слишком свободно, наверное, она еще больше похудела в больнице. Молодая женщина только сейчас обратила вни-

мание, что загар под кольцами не такой темный, значит, она действительно носила их раньше. Подняв глаза, Эмелия наткнулась взглядом на мрачно-сосредоточенное лицо мужа.

– Что-то не так?

– Все в порядке. Я беспокоюсь, как ты перенесешь полет.

Хавьер наклонился, чтобы дать указания водителю, Эмелия почувствовала касание его бедра. Физический контакт взволновал ее, заставил задуматься о том, как часто его сильные стройные ноги переплетались с ее в порыве страсти. Хавьер не стал целовать ее сейчас, но сколько времени он даст ей, прежде чем потребует положенной ему по праву супружеской близости?

В аэропорту, пройдя таможню, они поднялись на борт частного самолета. Эмелия не помнила, летала ли на «Гольфстримах» раньше, но ей казалось, что она даже близко их не видела, разве что на страницах журналов. Ее отец, человек весьма состоятельный, летал только коммерческими рейсами, в первом или бизнес-классе. Неужели за два года замужества она действительно привыкла к бесстыдной роскоши, к частным самолетам и бриллиантовым побрякушкам?

Даже паспорт на имя Эмелии Мелендес не убедил ее в реальности происходящего. Если верить отметкам паспортного контроля, она то и дело летала в Париж, Рим, Прагу, Монте-Карло и Цюрих, но ее память не сохранила ни одной из этих поездок.

Внутри самолета все буквально кричало о благосостоянии его владельца. Обслуживающий персонал был вежлив и почтителен. В отличие от многих толстосумов из окружения отца Эмелии, Хавьер относился к людям, которые на него работали, с уважением: здороваясь, назвал каждого по имени, поинтересовался семейными делами, словно воспринимал супругов и детей своих сотрудников как членов собственной семьи.

– Посмотрите сегодняшнюю прессу? – спросила одна из стюардесс.

– Нет, спасибо, Аня, – ответил испанец со слегка вымученной улыбкой.

Эмелия недовольно поморщилась. Ей хотелось узнать, что происходит в этом незнакомом ей мире, наверстать два года забытых новостей и сплетен. К тому же вдруг в газетах писали об автокатастрофе, в которую она попала? Какие-то подробности могли пролить свет на обстоятельства и причины трагедии. Питер, менеджер модного отеля, где останавливались сливки общества, был публичной фигурой, наверняка его гибель вызвала резонанс. Эмелия полагала, что она имеет право узнать, как именно потеряла лучшего друга.

– Не дуйся, *querida*, – сказал Хавьер, который правильно истолковал причину брошенного на него недовольного взгляда жены. – Я стараюсь защитить тебя.

– От чего?

– В прессе появлялись некоторые неприятные публикации на тему твоей аварии.

– Например? – Эмелия нахмурилась.

– Обычные слухи и красноречивые недомолвки, так любимые журналистами. Ты – жена очень влиятельного бизнесмена, Эмелия. Ты можешь этого не помнить, но газетчики постоянно преследовали тебя в надежде на скандальный материал. Скандалы продают газеты и журналы, даже если они основаны на вымысле.

Эмелия рассеянно пожевала ноготь. Ее преследовали газетчики? С какой стати? Она жила ничем не примечательной, скучной жизнью, или, во всяком случае, так ей казалось, пока она не вышла из комы. Эмелия давно оставила мечты стать известной пианисткой и давать концерты, ее амбиции не шли дальше частных уроков музыки. Карьера героини светских хроник, которая вырисовывалась со слов Хавьера, определенно не была частью ее жизненного плана.

– И что в газетах пишут про аварию?

Выражение его черных глаз стало тяжелым и неприятным.

– Пишут, что ты сбежала с Питером Маршаллом.

– Как сбежала? В смысле, сбежала от тебя?

– Это всего лишь досужие сплетни, Эмелия. О нас судачили раньше и будут судачить еще. Я вынужден все время опровергать подобные истории.

– Я могу не помнить двух последних лет своей жизни, но, уверяю тебя, я не из тех женщин, которые убегают от мужей с другими мужчинами. Ты конечно же не веришь этим сплетням?

Движение его губ было похоже скорее не на улыбку, а на гримасу досадливого смирения.

– Чрезмерное внимание прессы, сплетни, домыслы, подтасованные факты – неотъемлемая часть нашей жизни, *querida*. Цена успеха. Я предупреждал тебя об этом, когда мы начали встречаться.

Самолет побежал по взлетной полосе. Эмелия снова принялась кусать ноготь. Ей совершенно не нравилось, что какие-то люди бросают тень на ее имя и репутацию. Сама мысль о супружеской неверности была ей отвратительна. Эмелия достаточно насмотрелась на безобразные последствия измен своего отца, чтобы не ступать на эту скользкую дорогу.

– Не беспокойся о журналистах, – сказал Хавьер. – Я вообще не стал бы упоминать о них, если бы не опасался, что они будут поджидать нас в Испании. На всякий случай, я прошу тебя не отвечать на вопросы и не поддаваться на провокации. Ты поняла?

– Но если репортеры настолько бесцеремонны и настойчивы, как ты говоришь, я не смогу скрываться от них вечно.

– Эмелия, по крайней мере в ближайшее время ты будешь делать то, что я тебе говорю. Я – твой муж, постарайся помнить хотя бы об этом.

Эмелия почувствовала, как злость горячей змейкой сжимает ее внутренности. Она расправила плечи:

– Не знаю, что за жену ты рассчитывал получить в моем лице, но я – не домашняя рабыня и не имею никакого желания ею становиться. Моя память здесь совершенно ни при чем.

Хавьер заиграл желваками. Его глаза так потемнели от гнева, что стало невозможно различить зрачок.

– Не затевай драку, в которой не сможешь победить, Эмелия, – сказал он сквозь зубы. – Сейчас ты слаба и уязвима. Я не хочу, чтобы на тебя оказывали давление, усугубляя стресс. Я выполняю указания врачей и буду признателен, если ты последуешь моему примеру.

– Не нужно говорить со мной как с ребенком. – Эмелия решительно скрестила руки на груди. – Пусть я немного выбита из колеи, но это не значит, что мне начисто отшибло разум или чувство собственного достоинства.

Она видела, с каким трудом Хавьер сдерживает в узде свой испанский темперамент. Его плотно сжатые губы побелели, как и костяшки пальцев, в ярости терзавших ткань дорожных брюк.

– Прости, любимая, – сказал он после паузы, которая, по приблизительным подсчетам Эмелии, длилась не менее десяти лет. – Я забыл, что тебе пришлось вынести. Сейчас не время для старых добрых семейных ссор.

– И ты прости меня. – Она выдохнула от облегчения. – Мне кажется, я немного не в себе.

– Это точно. – Он даже попытался улыбнуться.

Эмелия закрыла глаза, намереваясь притвориться спящей. Но видимо, и вправду задремала, а когда проснулась, самолет заходил на посадку.

Вопреки опасениям Хавьера, журналисты не ждали их в засаде по ту сторону таможни, и супруги Мелендес беспрепятственно погрузились в поджидавшую их машину.

Хавьер обменялся с шофером несколькими словами по-испански, и Эмелия с удивлением осознала, что понимает их диалог. Она совершенно точно не владела испанским, когда приехала в Лондон искать работу. Выучила за два года в браке? Но почему родной язык ее мужа задержался в памяти, а сам муж стерся без следа?

– Она что-нибудь вспомнила? – спросил водитель.

– Ничего, – ответил Хавьер.

Эмелия не показала виду, что содержание разговора не осталось для нее тайной. Она решила пока не признаваться, что вспомнила испанский язык, хотя вряд ли смогла бы ответить на вопрос почему.

По дороге на виллу Эмелия смотрела в окно, надеясь, что пролетающий мимо пейзаж заденет хоть какие-то струны в ее памяти. Но если бы она не знала, что должна помнить Испанию, она могла бы поклясться, что видит эти места впервые. Иногда Эмелия ловила на себе выжидательный взгляд Хавьера, словно он тоже надеялся на прорыв. Груз его ожиданий тяготил Эмелию – тем более она чувствовала непонятную напряженность за вполне благопристойным фасадом их отношений. Она убеждала себя, что это всего-навсего оправдываются слова врачей: Хавьеру трудно смириться с тем, что она его забыла. Но интуиция подсказывала, что странно избирательный характер ее амнезии – всего лишь часть проблемы.

Когда машина въехала в большие кованые ворота и покатила по тенистой аллее к вилле, у Эмелии перехватило дыхание. Особняк Хавьера был воплощенной в камне мечтой олигарха: надежно изолированный от внешнего мира, неприлично роскошный и наверняка столь же неприлично дорогой в содержании дом с террасами посреди огромного ухоженного парка.

Как только автомобиль остановился, массивные двери особняка открылись, выпустив им навстречу женщину в черно-белой униформе.

– Добро пожаловать домой, сеньор. – Женщина смерила Эмелию высокомерным взглядом и добавила почти сквозь зубы: – Добро пожаловать домой, сеньора.

– Спасибо, – сказала Эмелия с натянутой улыбкой. – Очень приятно снова оказаться... хм... дома.

– *Querida*. – Рука Хавьера легла ей на спину. – Это Алдана, домоправительница. Не волнуйся. Я объяснил прислуге, что ты никого из них не помнишь.

– Простите, – сказала Эмелия Алдане. – Надеюсь, вы не обижаетесь.

– Это не имеет значения, – холодно ответила та, складывая руки на обширной груди.

– Я отведу жену наверх. – И Хавьер перешел на испанский: – Ты сделала все, как я просил, когда звонил из Лондона?

– Да, сеньор.

Спина Эмелии горела там, где он прикасался к ней. Даже сквозь одежду она чувствовала каждый из его пальцев, словно на них были закреплены электроды. Разряды пронизывали ее с ног до головы, когда она пыталась представить, как его руки ласкали ее обнаженное тело в супружеской постели.

Поднимаясь вместе с Хавьером по широкой парадной лестнице, Эмелия задыхалась от нарастающей паники. Неужели этот незнакомый, в сущности, мужчина ведет ее в спальню, которую она должна будет с ним разделить?

Глава 3

Почувствовав настороженность жены, смущенной, помимо всего прочего, неприкрытой враждебностью домоправительницы, Хавьер счел нужным дать пояснения:

– Невежливость Алданы не должна тебя тревожить или огорчать. Это ничего не значит, она успокоится через день-другой. Алдана встретила тебя так же, когда мы приехали сюда после свадьбы. Она считала, я совершил самую большую ошибку в своей жизни, женившись на иностранке, да еще так скоро, через несколько недель после знакомства.

Эмелия с трудом удержалась от гримасы, вспомнив выражение ненависти в черных птичьих глазах домоправительницы. Не может быть, чтобы Алдана смотрела на нее волком все два года, что Эмелия жила здесь, а она, хозяйка дома, спокойно мирилась с подобным отношением со стороны прислуги!

Эмелия схватилась за перила, чтобы снять часть тяжести с ватных ног. В груди было тесно, словно она только что пробежала марафон на высокогорье.

– Что с тобой? – Хавьер взял ее за руку.

– Голова немного закружилась. Сейчас все пройдет.

Она ощутила пожатие его пальцев, и от этого прикосновения дыхание сбилось еще больше, чем от подъема по бесконечной лестнице. Хавьер смотрел на нее непроницаемым взглядом.

– Алдана в конце концов одобрила твой выбор жены? – спросила Эмелия.

– Я не нуждаюсь в одобрении домоправительницы, Эмелия. Мы женаты, вопрос закрыт. Это касается только нас двоих, больше никого.

После короткой передышки, закусив губу, Эмелия преодолела последние ступеньки. Она оглядывалась в поисках следов своей прошлой жизни, но не находила никаких свидетельств того, что провела на вилле почти два года. Стены украшали подлинники известных художников – места для семейных фотографий не нашлось. Формальный декор был призван демонстрировать благосостояние, а не создавать уютную домашнюю атмосферу. Эмелия не видела в безупречных, почти музейных интерьерах ничего, что отражало бы ее вкус и пристрастия. Интересно почему?

Хавьер открыл перед ней двери в спальню, напоминавшую размерами спортивный зал.

– Это была наша комната.

Эмелия обратила внимание, что ее муж употребил прошедшее время. Значило ли это, что Хавьер все-таки не собирался жить здесь вместе с ней? Она хотела уточнить, но не решилась.

– Она очень большая...

– Ты что-нибудь узнаешь?

Она посмотрела на огромную кровать, невольно представив себе, как лежала на ней с Хавьером. Желудок судорожно сжался, и молодая женщина поспешно перевела взгляд на прикроватный столик, украшенный их свадебным фото. Дыхание снова сбилось, когда она взяла снимок в руки, вгляделась в собственную улыбку почти двухлетней давности и наморщила лоб, пытаясь добраться до уголков сознания, где просто обязаны были сохраниться хотя бы отрывочные воспоминания о самом важном дне ее жизни.

Ее подвенечное платье, пышное, щедро, но со вкусом отделанное стразами, сделало бы честь представительнице королевской фамилии. Эмелия могла только робко предположить, сколько оно стоило. Вуаль длиной как минимум метров пять крепилась к драгоценной тиаре, в которой невеста действительно выглядела как принцесса. Сложная прическа, безукоризненный макияж, букет из цветов апельсинового дерева – все говорило о том, что церемония была тщательно спланирована. Фотография напомнила Эмелии все те великосветские бракосочетания, которые она посещала с отцом. Много шума, еще больше – показного благополучия

и счастья, толпы гостей, большая часть которых через год даже не вспомнит имен жениха и невесты. Эмелия ненавидела эти элитарные мероприятия и каждый раз клялась себе, что ни за что не превратит свою свадьбу в одно из них. Но, судя по снимку, сдержать данное себе слово ей не удалось, и ее свадьба тоже больше походила на театрализованное представление для избранной публики.

На фотографии Хавьер был одет в костюм с белой рубашкой и галстуком в серебряную с черным полоску. Он выглядел властным, элегантным и самоуверенным, как всегда, но его улыбка показалась Эмелии не слишком естественной, особенно по сравнению с ее собственной. Она задумалась, заметила ли его вымученную радость в тот день, забеспокоилась ли, или была слишком занята, пребывая в центре всеобщего внимания?

– Мне жаль. – Рука дрогнула, когда она ставила снимок на место. – Я ничего не помню. Мне кажется, все это происходило с кем-то другим.

Хавьер перестал искоса разглядывать жену и перевел взгляд на изображение новобрачных во всем свадебном великолепии.

– Иногда, когда я смотрю на этот снимок, мне тоже так кажется.

Эмелия удивленно посмотрела на мужа. Следовало ли ей понимать эти слова как сожаление о поспешном браке? А кто тянул его под венец, куда он так торопился, позвольте спросить? Большинство современных мужчин идет на любые ухищрения, лишь бы избежать официальных супружеских уз, им гораздо милее гражданский или, еще того лучше, гостевой брак, позволяющий сохранять независимость...

Или страсть, которая, предположительно, бросила их в объятия друг друга, померкла и облупилась после двух лет совместной жизни? Над отношениями в семье нужно постоянно работать, это Эмелия уяснила, глядя, как ее отец рушит один свой брак за другим, не делая даже попытки научиться чему-то на предыдущих ошибках. Может быть, Хавьер разочаровался в ней? Он не производил впечатления безумно влюбленного мужчины. Эмелия видела в его глазах огонь физического желания, но не настоящую, идущую от души и сердца любовь, которой хватило бы до конца их дней.

– Что-то не так, Эмелия? – спросил он, перехватив ее взгляд.

– Э... Мне любопытно, почему ты так поторопился с предложением руки и сердца. Почти все мужчины, которых я знала, заставляли своих подруг ждать годами. Отчего такая спешка?

Что-то мелькнуло в глубине его глаз, словно Хавьер, как опытный шулер, мысленно тасовал колоду карт, выбирая подходящую случаю.

– А как ты думаешь? – будничным тоном спросил он. – Поверь, я не принуждал тебя принимать мое предложение. Ты сама хотела выйти за меня.

– Не знаю... – протянула Эмелия. – Может быть, я просто не помню, что меня снесло страстное желание найти мужа. Мне всего двадцать пять...

– Двадцать семь, – поправил ее Хавьер.

– Т-точно. Двадцать семь...

– Я захотел тебя в тот самый момент, когда увидел сидящей за роялем. – Кончиками пальцев он приподнял ее лицо за подбородок. – Нас потянуло друг к другу с первого взгляда. Не было смысла откладывать то, чего мы оба так желали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.